

УДК 327.51

DOI: 10.31857/S268667300010627-9

Меняющийся баланс сил в мире: американо-китайский контекст

О.В. Приходько

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН),

Российская Федерация 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3

ORCID: 0000-0001-9764-4096

e-mail: olegvladim@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2020.

Резюме: Наблюдаемая тенденция изменения глобального баланса сил в пользу незападной части мира отражает перераспределение материальных ресурсов и международного влияния между ведущими мировыми державами. Темпы экономического роста США и ЕС в течение длительного времени являются в среднем ниже, чем у Китая, Индии и некоторых других государств с формирующейся рыночной экономикой. Вклад незападной части мира в мировой ВВП уже превысил долю Запада. Подъём Китая как потенциальной сверхдержавы является наиболее мощным движущим импульсом глобальных сдвигов. Восхождение КНР, России и Индии к статусу глобальных игроков наряду с другими фундаментальными изменениями продвигает систему международных отношений к новому миропорядку. Однако переход к многополярности или полицентрической конфигурации международной системы не является равномерным, линейным и необратимым процессом. США остаются самой сильной экономической и военной державой, хотя их международное влияние уменьшается по сравнению с 20-летним периодом тотального доминирования после холодной войны.

Ключевые слова: баланс сил, миропорядок, США, Китай, Россия, ЕС, новые центры влияния.

Для цитирования: О.В. Приходько. Меняющийся баланс сил в мире: американо-китайский контекст. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2020: 50 (8), 30-51. DOI: 10.31857/S268667300010627-9

The Shifting Balance of Global Power: the U.S.-Chinese Dimension

Oleg V. Prikhodko

Institute for the U.S. and Canadian Studies,

Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation,

ORCID: 0000-0001-9764-4096

e-mail: olegvladim@yandex.ru

Received 20.05.2020.

Abstract: The global balance of power is undergoing profound changes that raise principal questions about nature and governance of a future international order. Non-Western contribution to the world GDP has exceeded the share of the West. The rise of China as a potential superpower is a key driving momentum of the global shifts. The ongoing redistribution of material power and international influence causes transformation of the world order. In economic and political terms, the United States and the EU are in a relative decline, while resurgence of China, Russia, and India as global actors is driving the international system towards a new, post-hegemonic phase. However, transition to multipolarity or polycentric configuration of the international system is not a smooth, linear and irreversible process. The United States remains the strongest economic and military power, though its influence in the world affairs is relatively diminishing as compared with the immediate post-Cold war period of the 1990-s. Each historic period puts forth its own set of criteria for measuring of power. Nowadays, traditional measurements like the size of the population, GDP, industrial output, or military capabilities are not suffice for a comprehensive evaluation. Advancement in fundamental sciences and development of cutting-edge technologies, ability to gain international support on vital issues become key indicators of an overall potential of a great power.

Keywords: global balance of power, international order, the United States, China, Russia, the EU, emerging powers.

For citation: Prikhodko O.V. The shifting balance of global power: the U.S.-Chinese dimension. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2020; 50 (8) 30-51. DOI: 10.31857/S268667300010627-9

ВВЕДЕНИЕ

События последних лет дают новые подтверждения тому, что унаследованный после окончания холодной войны миропорядок разрушается. Очевидно, что скреплявшая его система краеугольных международных договорённостей – от контроля над вооружениями до правил регулирования мировой торговли – переживает процесс распада. Происходит снижение регулирующей роли многосторонних институтов, включая ООН, в мировых делах, что всегда было характерно для периодов обострения соперничества между великими державами. В западных политических и экспертных кругах слышится всё больше сетований на размывание либеральных основ миропорядка и возобладание узко понимаемых национальных интересов.

Многие элементы либерального миропорядка – его механизмы, торгово-экономические пакты, ценности и альянсы в той или иной мере подвергаются кризисным явлениям. Дело не только в том, что они лишились американской поддержки при администрации Д. Трампа, которая воспринимает их как обременение или даже помеху для продвижения национальных интересов в международных делах, но и в силу объективных причин, связанных с меняю-

щимся балансом сил в мире. Усиливающееся соперничество между великими державами постепенно стирает границы между сферой безопасности и торгово-экономическими взаимоотношениями. Геополитика и экономика всё больше рассматриваются ведущими мировыми игроками как две стороны одной медали.

На разных этапах конкуренции великих держав возрастала роль то одних, то других факторов. До середины второго десятилетия XXI века в этом качестве аналитики чаще подчёркивали значение геоэкономики. При обсуждении сдвигов в глобальном балансе сил западные политологи, как правило, выделяли экономический подъём Китая и Индии, что выдавало их чрезмерную увлечённость критериями экономической мощи государства и недооценку других важных параметров. Вооружённые конфликты на Ближнем Востоке и юго-востоке Украины вновь высветили существенное влияние военно-силового фактора в международных делах. Признание ключевой роли «жёсткой силы» всегда отличало представителей реалистской школы политической мысли, которые оценивают потенциал государства в первую очередь по критериям военной мощи и только потом по размеру ВВП, численности населения и другим параметрам. Политологи других направлений чаще на первое место ставят экономическую мощь государства и «мягкую силу» (статус страны в ключевых международных структурах и т.п.), хотя учитывают и другие ресурсы внешне-политического влияния.

ИЗМЕНЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО БАЛАНСА СИЛ

Начиная со второй половины 1860-х годов в течение столетия на западные державы приходилось две трети мирового промышленного производства, этот показатель достиг пика (более 84%) перед мировым кризисом 1929–1933 гг. Уже к началу Первой мировой войны (1914–1918) США прочно утвердились в качестве мирового экономического лидера, по размеру национального дохода опережая следующие за ними четыре государства – Германию, Великобританию, Россию и Францию *вместе взятые*. В середине XX века это преимущество было ещё более ошеломительным: по валовому внутреннему продукту Соединённые Штаты превосходили остальные шесть ведущих экономик мира *вместе взятых*. Однако уже с 1960-х годов наблюдается постепенное снижение доли США в мировом ВВП.

В своей, ставшей уже хрестоматийной книге «Подъём и падение великих держав» британский историк международных отношений П. Кеннеди показывает, что изменение соотношения сил между ведущими мировыми державами в 1960–1980 гг. происходило в направлении *многополярного распределения экономической мощи*: доли США и ЭЭС, а также СССР в мировом ВВП сокращались, а Японии и Китая – возрастали [Kennedy P. 1988: 436]. Правда, это выражалось в виде

тенденции, так как по абсолютному размеру ВВП в 1980 г. Соединённые Штаты более чем в 2 раза превосходили шедшего на втором месте СССР. У Европейского сообщества (ЕЭС) данный показатель являлся самым высоким, но это было экономическое объединение 12 стран Западной Европы, а не единое государство.

Наступивший после окончания холодной войны период американской монополярности характеризовался почти тотальной гегемонией США в международных делах. Большинство американских политологов полагали, что укреплению однополярного миропорядка во главе с Соединёнными Штатами в роли единственной сверхдержавы в обозримом будущем ничто серьёзное не угрожает. В политических и экспертных кругах страны наблюдалась явная эйфория от доминирования над остальным миром, и даже быстрые темпы экономического подъёма в Китае не порождали у них сомнений в том, что ситуация тотальной американской гегемонии будет сохраняться неопределённо долгое время. В «Стратегии национальной безопасности США» 2002 г. прямо говорилось, что *Соединённые Штаты стремятся иметь такой военный потенциал, который будет превосходить вооружённые силы всего остального мира вместе взятые*. В условиях огромного превосходства над другими Вашингтон воспринимал мультилатерализм как обременение и ненужное ограничение своих действий в международных делах.

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., самый сильный со времён «Великой депрессии» начала 1930-х годов (не считая нынешнего, вызванного пандемией коронавируса), ускорил сдвиги в балансе между экономическими потенциалами Запада и незападной части мира в пользу последней, хотя перераспределение материальных сил началось гораздо раньше. Особенности того кризиса, который произрос в США из банковской сферы и затронул все крупнейшие экономики Запада, дали основание считать его порождением либеральной модели глобализации, которую продвигал финансовый капитал. Вызванные им потрясения высветили вновь возросшую роль государства в экономике. Неудивительно, что Китай гораздо лучше справился с последствиями кризиса, чем США, ведь у него были явно более благоприятные внутренние условия для спасительного государственного вмешательства. Второе десятилетие XXI века предоставило новые подтверждения того, что США теряют свой статус мирового гегемона. Сегодня немало американских политологов признаёт (в частности, Б. Позен, Дж. Най и Дж. Миршаймер), что Соединённые Штаты вступили в период относительного (не абсолютного) снижения своей мощи и влияния, хотя по-прежнему являются самой сильной страной в мире в военном и экономическом измерениях.

Едва ли можно оспорить, что *баланс сил постепенно смещается от Запада к Востоку*, и что США и Китай выступают главными протагонистами в этом процессе. Экономический и технологический подъём Азии сдвигает центр тяжести

глобального баланса в этот макрорегион, и определяющим фактором здесь выступает быстрое по историческим меркам восхождение КНР. К концу XX века Китай вышел на второе место в мире по размеру ВВП, измеряемому по паритету покупательной способности, но в 2 раза уступал США по этому показателю. Уже тогда стало ясно, что с *экономической* точки зрения есть все предпосылки для формирования постмонополярной структуры мира. Согласно расчётам западных аналитических центров, экономика Китая по абсолютному размеру, измеряемому в американских долларах, в зависимости от фактических темпов её роста обойдет американскую в период 2030–2040-х годов.

По подсчётам экспертов МВФ, доля промышленно развитых стран мира (то есть Запада) в мировом ВВП составила в 2019 г. около 40,2% по паритету покупательной способности, а развивающихся стран и государств с формирующейся рыночной экономикой, то есть незападной части мира) – свыше 59% [1]. В начале 1990-х годов между ними были обратные пропорции – Запад явно доминировал в мировой экономике. Однако уже тогда вектор изменения баланса стал меняться в пользу незападного мира, и с тех пор эта тенденция сохраняется благодаря энергичному экономическому росту крупнейших держав Азии – Китая, Индии, а также стран АСЕАН. Согласно данным МВФ, по размеру ВВП, измеряемому по паритету покупательной способности, в 2018 г. доля Китая в глобальной экономике составила 19,71%, ЕС – 15,79%, США – 14,93% (России – 3,02%) [1]. Правда, если измерять по официальному валютному курсу, американский ВВП в номинальном выражении по-прежнему заметно опережает европейский и китайский: эти показатели равняются соответственно 20,5 трлн долл., 18,7 трлн и 13,6 трлн долл. согласно последним данным Всемирного банка (за 2018 г.) [2].

Экономика США является самой крупной в мире с 1871 г. Однако в обозримой перспективе она скорее всего уступит первую позицию экономике Китая, если не произойдут экстраординарные события. Изменение баланса сил в пользу КНР – долгосрочная тенденция. По прогнозам МВФ, с 2018 г. по 2023 г. китайский ВВП по паритету покупательной способности вырастет на 47%, европейский (стран ЕС) и американский – на 20% каждый [3]. Согласно оценкам экспертов исследовательской службы Европарламента, в 2035 г. на КНР будет приходиться 22% мирового ВВП по паритету покупательной способности, на США – 14% и на ЕС – 12% [4]. Китай догоняет США не только по валовым экономическим показателям. Он уже на равных конкурирует с ними по ряду направлений развития высоких технологий, особенно в сфере коммуникаций (мобильная связь пятого поколения – 5G) и в биотехнологиях, хотя США остаются ведущей технологической державой мира. Китай стал для многих стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки альтернативным источником кредитов и инвестиций, реальным конкурентом международным финансовым структурам, которые контролируются Западом.

В «Стратегии национальной безопасности США» 2017 г. среди основных угроз, с которыми сталкиваются Соединённые Штаты, фигурирует стремление Китая сформировать мир, несовместимый с американскими ценностями и интересами [5]. Подъём Китая как потенциальной сверхдержавы представляет собой важнейший движущий импульс сдвигов в глобальном балансе сил. Как правило, наблюдатели выделяют факт значительного увеличения экономического потенциала этого государства. За последние 40 лет среднегодовые темпы роста китайской экономики составили почти 10%, что, по оценкам экспертов Всемирного банка, является *самым быстрым и продолжительным наращиванием экономической силы каким-либо государством в новейшей истории*. В 2010–2018 гг. около 30% роста мировой экономики приходилось на Китай. Однако, на наш взгляд, всё же более правильно было бы говорить о *всеобъемлющей модернизации* китайской державы, которая не сводится только к экономике. По мнению норвежского историка международных отношений О. Уэстада, сегодня КНР примерно в 2–3 раза сильнее, чем был Советский Союз по отношению к США на пике своего развития в годы холодной войны [Westad Odd A. 2019: 89]. Подобная оценка скорее применима к финансово-экономическим параметрам Китая, она едва ли корректна в отношении его совокупной мощи, военной силы и геополитического влияния в сравнении с СССР.

Китай прошёл этап быстрого наращивания абсолютных показателей экономики и вступил в период её качественных изменений, где на первый план выходит проблема технологических инноваций и научно-технических прорывов, а эта сфера оказывает более ощутимое влияние на военный потенциал, чем общий экономический фундамент страны. Здесь КНР конкурировать с США сложнее в силу возможностей американской стороны аккумулировать у себя знания и технологии наиболее развитых стран мира от Австралии до Японии, не считая плодотворной работы собственной мощной научной базы. Это американское преимущество Пекин не может компенсировать путём расширения масштабов и увеличения финансирования своих НИОКР, государственного регулирования или заимствования чужих ноу-хау, учитывая вводимые США и другими западными державами запреты на передачу технологий и продажу наукоёмких активов (IT-компаний, исследовательских фондов и т.д.), а также ограничения на некоторые виды совместных исследований с КНР.

Как бы то ни было, к середине XXI века Китай намерен превзойти США в качестве самого влиятельного государства в мире. Он расширяет своё глобальное экономическое присутствие в мире. Возрастает его политическое влияние в международных делах. Однако в военной сфере КНР ещё заметно уступает США. Правда, Пекин сейчас не ставит перед собой задачу глобального проецирования силы, сосредоточив усилия на Азиатско-Тихоокеанском регионе. Упомянутый О. Уэстад констатирует, что, хотя Соединённые Штаты и сохраняют большое военное преимущество, «за последнее десятилетие баланс сил в Во-

сточной Азии явно сместился в пользу Китая». По его мнению, КНР достигла военного превосходства непосредственно на своём заднем дворе и США теперь не могут говорить о преобладании на Тихом океане. Более того, «если США не будут этому противодействовать, то к концу 2020-х годов Китай, вероятно, станет неоспоримым властителем Восточной Азии от Японии до Индонезии» [Westad Odd A. 2019: 89-90].

Ни одна страна в Азии по отдельности не способна добиться паритета с КНР, но США рассматривают Японию, Индию и некоторые другие крупные региональные государства как совокупный противовес исходя из наличия у них определённых противоречий с Пекином. Сравнивая противостояние СССР и США в разгар холодной войны с нынешней ситуацией, О. Уэстад утверждает, что «решимость Китая потеснить американские позиции в Азии сильнее, чем любые попытки, которые предпринимались Сталиным в Европе» [Westad Odd A., 2019: 93]. Стремление включить в «антикитайский баланс» Индию, собственно, и подтолкнуло администрацию Д. Трампа к актуализации концепции Индо-Тихоокеанского региона взамен традиционного АТР. Американский политолог Дж. МакКинни напоминает, что «Индо-Тихоокеанский» концепт был сформулирован в начале XX века в кругах германских геополитиков и во втором десятилетии XXI века стал частью американского политического дискурса. По его мнению, у этого понятия нет достаточной объективной основы: «индийская» часть лишь в небольшой степени соприкасается с «тихоокеанской», не существует никакой общей «индо-тихоокеанской» идентичности и регион не выступает единым целым против какой-либо державы [McKinney Jared M., 2019: 316]. Тем не менее, это понятие уже прочно укоренилось в официальном внешнеполитическом лексиконе США.

Процесс геополитического окружения Китая начался задолго до Д. Трампа. Не является случайностью, что в прошедшее десятилетие *статусом партнёров НАТО были наделены все союзники США в Азии* – Австралия, Япония, Южная Корея, а также Таиланд и Филиппины. Как справедливо замечает Дж. Най, «экономическая сила является лишь частью геополитического уравнения» [Nye Joseph S., 2019: 73]. Важным инструментом влияния являются союзы и альянсы. США имеют договоры о союзнических отношениях почти с 60 государствами мира. Вместе с тем, Дж. Най и некоторые другие западные политологи не исключают возобладания в США изоляционистской политики 30-х годов прошлого века. В этом случае союзнический фактор занимал бы гораздо более скромное место в американской внешнеполитической стратегии.

Согласно оценкам экспертов Института Лоуи (Австралия), опубликовавших в 2019 г. доклад о сводном индексе влияния 25 стран АТР (в их числе значится и Россия), Китай заметно опережает США по внешнеполитическому влиянию в регионе, хотя Соединённые Штаты сохраняют статус доминирующей державы АТР. Более того, в прошедшем году уже и Япония опередила США по упомяну-

тому критерию. Россия была поставлена на 5-е место в этом списке [6]. Она отнесена к разряду стран, чей показатель дипломатического влияния в регионе повысился по сравнению с предыдущим годом. Конечно, не все оценки экспертов этого аналитического центра бесспорны, в частности, когда они касаются сравнения влияния военных потенциалов тех или иных государств. Однако при всей условности предложённой системы ранжирования, в целом она примерно отражает расстановку сил в АТР. Хотя главные приоритеты Китая в геополитическом соперничестве с США сосредоточены именно в этом регионе, Пекин осуществляет массированное политическое и экономическое проникновение в Европу, Африку, Латинскую Америку и на Ближний Восток.

МЕНЯЮЩИЕСЯ КРИТЕРИИ СИЛЫ И ВЛИЯНИЯ

Ведущие державы мира исторически ведут борьбу за влияние в международных делах. Это соперничество может измеряться по разным параметрам. В каждый исторический период относительно большее значение в сравнении силовых потенциалов государств приобретают те или иные индикаторы. В XVI–XIX веках важнейшим показателем был военно-морской флот, во второй половине XX столетия – ракетно-ядерные вооружения. В современную эпоху на приоритетное место выходит способность государства эффективно реагировать на внезапные и опасные угрозы не только военного характера, что демонстрирует пандемия коронавируса, ставшая серьёзным тестом как для здравоохранения, медицины, биотехнологий, так и для систем государственного управления разного типа (людские и материальные потери от COVID-19 в отдельных странах сопоставимы с уроном от локального вооружённого конфликта).

Видные западные теоретики – в этом ряду можно, в частности, назвать американских политологов К. Уолтца и Дж. Ная – рассматривают влияние как способность государства достигать желаемых результатов в отношениях с другими участниками международных отношений, вынуждать их принимать нужные ему решения. Однако наличие ресурсов влияния само по себе не гарантирует достижения конкретных внешнеполитических или экономических целей. Способность конвертировать эти ресурсы в необходимый результат зависит от конкретных условий и характера проблемы. В 2018–2019 гг. президент Д. Трамп неоднократно призывал международный нефтяной картель предпринять шаги для уменьшения мировых цен на нефть, которые, преодолев отметку 65 долл. за баррель, устремились к более высокому ценовому рубежу, но «обладание ядерным оружием не может служить большим подспорьем, например, в попытках убедить или принудить ОПЕК снизить нефтяные цены» [Yuen Foong Khong, 2019: 128].

В общем виде *силу государства можно определить как его способность реализовывать стратегические цели путём целенаправленных действий*. Внешнеполитическое

влияние государства является результатом сложного взаимодействия различных факторов. Принципиальное значение имеет не только наличие важнейших природных и человеческих ресурсов, но и умение ими эффективно распоряжаться. Это – азбучная истина. Сложность состоит в том, как реализовать её на практике. Если государство располагает богатыми природными ресурсами, но демонстрирует низкие темпы экономического роста, например, в 2–3 раза меньше общемировых, неизбежно возникают сомнения в эффективности экономической модели его развития, что отрицательно сказывается на его международной привлекательности.

Одним из ключевых критериев силы государства является *производительность национальной экономики*, измеряемая по ВВП. Этот обобщённый показатель, при всей его ограниченности, всё-таки позволяет сравнить, как основной капитал государства и его главных международных конкурентов соотносятся друг с другом. Государство с более крупными капитальными ресурсами может позволить себе, при прочих равных условиях, большую самостоятельность в выборе предпочтительного образа действий в отношениях с другими и обеспечить себе большую степень защиты от внешних угроз. Однако не менее важно, какая доля общего объёма конечной продукции произведена в секторах, определяющих передовой уровень научно-технического развития. Тот, кто лидирует на ключевых направлениях в разработке высоких технологий (искусственный интеллект, робототехника, информатика, биотехнологии и т.д.), получает экономические и геополитические преимущества в борьбе за влияние.

Военный потенциал государства является зримым выражением его силы, он воплощается в технической оснащённости и боеготовности его вооружённых сил. Важнейшую роль играет уровень развития теоретической военной мысли, который определяет доктринальные установки и концепции в сфере обороны. Исторический опыт показывает, что великие державы шире, чем другие государства, трактуют свои интересы безопасности. Они рассматривают военный потенциал не только как гарантию защиты от посягательства на свою территорию и суверенитет, но и как инструмент создания внешних условий, благоприятствующих достижению значимых политических и экономических целей в отношениях с другими государствами.

Хотя взаимосвязь между экономической силой государства и его военным потенциалом не носит жёстко детерминированного характера и не в каждый исторический момент зримо проявляется (эффективность оборонной политики зависит ещё от ряда других ключевых параметров), на достаточно длительном временном отрезке корреляция между ними, как правило, просматривается вполне отчётливо. Наряду с этим возрастает роль такого фактора, как уровень развития науки и наукоёмких технологий. *Трансформирующая роль прорывных технологий проявляется среди прочего в том, что они позволяют обеспечить примерное стратегическое равенство при асимметричном балансе сил.* Как замечает

британский аналитик Дж. Джонсон, ведущие державы мира быстро осознали революционный потенциал технологий искусственного интеллекта (ИИ) как важнейшего элемента национальной безопасности. Отталкиваясь от мнения технических экспертов в этой области, он заключает: «Искусственный интеллект может принести фундаментальные изменения в военную силу и повлечь последствия в виде переформатирования баланса сил. Гонка в разработке потенциала ИИ, бесспорно, повлияет, в частности, на геополитическое соперничество между Китаем и США» [Johnson J. 2019: 147]. По его мнению, быстро разворачивающееся соперничество ведущих мировых держав за лидерство в области искусственного интеллекта будет иметь потенциально крайне дестабилизирующие последствия для стратегического равновесия в будущем. Появление этих технологий сулит военно-техническую революцию с непредсказуемыми последствиями.

Более или менее реалистичное представление о соотношении сил между государствами может дать правильное сочетание валовых показателей с качественными характеристиками. Сложность состоит в том, как определить эту «правильность». Преувеличение роли одних показателей и умаление других может привести к неверным выводам. Для оценки баланса сил западные политологи используют разные критерии. Анализируя взаимосвязь различных элементов силы, американские политологи С. Брукс и В. Уолфорт приходят к выводу, что «экономический потенциал является необходимым, но недостаточным условием военной силы; столь же важна и развитость технологий, особенно учитывая характер современных вооружений. <...> Более того, военный потенциал может иметь важные, пусть и косвенные, последствия для продвижения ключевых экономических интересов государства» [Brooks Stephen G., Wohlforth William C. 2016: 15].

За прошедшие с окончания холодной войны 30 лет представления экспертного сообщества США о глобальном балансе сил заметно изменились. Так, например, упоминавшиеся С. Брукс и В. Уолфорт в своей статье почти двадцатилетней давности, обосновывая тезис о запасе прочности однополярного миропорядка, ссылались на величину военного бюджета и оборонных НИОКР США, сравнивали их с показателями ближайших конкурентов, а также указывали на размер американского ВВП и объем прямых иностранных инвестиций, сопоставляя эти данные с Японией, которая в 2000 г. занимала второе место в мире по экономической мощи, превосходя следующие за ней Германию, Францию и Великобританию вместе взятые. Они также утверждали, что «если бы Евросоюз занялся наращиванием своего военного потенциала и действовал как единое государство, он стал бы вторым полюсом мирового господства» [Brooks Stephen G., Wohlforth William C. 2002: 27]. Характеризуя уникальное положение США в тогдашнем мире как единственной сверхдержавы, не имеющей сопоставимых или близких конкурентов, С. Брукс и В. Уолфорт заявляли: «Что действи-

тельно отличает современную международную ситуацию, так это доминирование США во всех сферах одновременно».

С тех пор прошло почти 20 лет, и их тезис, что «у Соединённых Штатов нет соперников ни в одном из аспектов их мощи» [Brooks Stephen G., Wohlforth William C, 2002: 23-24], уже не соответствует действительности, хотя американское преобладание сохраняется по многим важным показателям, особенно в сфере обороны. Сложно оспорить утверждение этих политологов, что баланс военных сил обладает значительной инерцией и не может быстро меняться. В современную эпоху гораздо труднее, чем в прошлом, конвертировать экономическую мощь в военную силу: разработка сложных систем вооружений от идеи до практического воплощения занимает не менее 8–10 лет. Сегодня ещё больше возрастает роль научных исследований и прорывных технологий, а для них требуется мощная исследовательская база и многолетний опыт проведения подобных работ.

На XIX съезде Китайской компартии в октябре 2017 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что к 2035 г. должна быть в основном завершена модернизация национальной обороны и вооружённых сил, а к середине XXI века они должны быть *полностью* преобразованы в вооружённые силы «мирового класса». Особая ставка делается на внедрении технологий искусственного интеллекта в военной сфере. В своей книге, вышедшей в 2016 г., С. Брукс и В. Уолфорд утверждают, что в ближайшие десятилетия США сохраняют военное превосходство над соперниками (их мнение разделяют и другие американские политологи, в частности Дж. Най). В качестве одного из главных аргументов они приводят сопоставление доли Соединённых Штатов и Китая в мировом масштабе по 14 основным видам вооружений и военной техники – количеству атомных подводных лодок, авианосцев, крейсеров, бомбардировщиков, самолётов-заправщиков, беспилотников, спутников и т.д. (это сравнение делается на основе данных за 2014 г. и охватывает преимущественно ВВС и ВМС) [Brooks Stephen G., Wohlforth William C. 2016: 21]. В прошедшее с тех пор пятилетие Китай предпринимал энергичные усилия по сокращению своего отставания от США в военной сфере, однако создание ресурсоёмких видов военной техники требует много времени.

Соотношение военных сил между двумя державами в пользу американской стороны демонстрирует заметную устойчивость. Сохраняется большое превосходство США по ключевым видам военной техники, таким как атомные подлодки с баллистическими ракетами (ПЛАРБ), авианосцы, большие десантные корабли, истребители пятого поколения, самолёты морской разведки, ударные и тяжёлые транспортные вертолёты, самолёты-заправщики и т.д. (см. табл.). Китай опережает по количеству бомбардировщиков и ударных подлодок с управляемым ракетным оружием (УРО), баллистических и крылатых ракет средней и меньшей дальности наземного базирования. Он также впереди по танкам, артиллерий-

ским системам и некоторым другим видам вооружений сухопутных войск, но американская военная доктрина не предусматривает ведения крупномасштабных боевых действий, требующих большого количества такой техники, поэтому они не отражены в приведённой таблице.

Таблица

Количество вооружений и военной техники у США и Китая, единиц

Вид военной техники и вооружений	2014 г.		2019 г.	
	США	Китай	США	Китай
Пусковые установки наземных МБР	450	66	400	98
Атомные подлодки (ПЛАРБ)	14	4	14	4
Ударные подлодки с УРО	59	65	53	54
Авианосцы	10	1	11	1
Крейсеры, эсминцы, фрегаты	98	71	110	83
Большие десантные корабли	31	3	32	6
Самолёты тактической авиации	3345	1835	3311	1976
Тяжёлые и средние военно-транспортные самолёты	709	65	675	88
Ударные вертолёты	908	150	889	278
Тяжёлые и средние транспортные вертолёты	2809	341	3058	395
Самолёты дальнего радиолокационного обнаружения и управления	108	18	113	29
Тяжёлые беспилотные летательные аппараты	517	меньше 10	495	6

The Military Balance 2015. London, IISS, p. 24-25; The Military Balance 2020. London, IISS, p. 26-27.

Количественный баланс сил даёт представление о возможностях государств, однако не учитывает появление новых видов вооружений, таких как противоспутниковое, гиперзвуковое, лазерное и другое оружие на новых физических принципах, а оно влияет на соотношение военно-силовых потенциалов противостоящих сторон. Разработка революционных технологий, особенно с применением искусственного интеллекта, позволяет создать качественно новые виды вооружений, которые могут самым неожиданным образом повлиять на баланс сил, в значительной мере девальвируя предыдущие военные затраты потенциального противника. Как признают западные аналитики, в частности упоминавшийся О. Уэстад, Китай быстро догоняет США в области лазерных систем,

беспилотников, кибероружия, средств ведения военных операций в космосе [Westad Odd A. 2019: 89-90].

На протяжении всего периода после окончания холодной войны многие американские политологи развивают тезис о большом запасе превосходства Соединённых Штатов над остальным миром. В частности, В. Уолфорд и С. Брукс полагают, что «США будут долгое время оставаться в положении мировой державы, не имеющей равных себе конкурентов» [Brooks Stephen G., Wohlforth William C., 2016: 15]. Они утверждают, что даже если Китай превзойдёт США по размеру ВВП, это ещё не будет означать, что он способен бросить серьёзный вызов американскому превосходству, и указывают на сохранение качественного разрыва в технологиях между двумя странами: в случае достижения паритета с США по военным расходам КНР всё равно не сможет *в течение десятилетий* компенсировать потенциал американского военно-технического превосходства, накопленный за долгое время. Однако в этом анализе не учитывается фактор внешней помощи. В октябре 2019 г. президент РФ В. Путин, выступая на заседании дискуссионного клуба «Валдай», сообщил, что Россия помогает Китаю в создании системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) [7]. Такого рода содействие способно заметно сократить разрыв в стратегических возможностях США и КНР.

Предотвращение достижения Китаем паритета с США формулировалось как одна из главных целей американской стратегии в доктринальных документах начиная с 1990-х годов. Способность проецировать силу посредством силового присутствия в жизненно важных для национальных интересов регионах – в виде военных баз, пунктов обеспечения, развёртывания группировок ВМС в соответствующих районах мирового океана или иным способом – является одним из индикаторов статуса великой державы. Здесь у США нет близких по возможностям соперников. Важно и то, что такая политика пользуется поддержкой в американском обществе. Согласно социологическим опросам большинство респондентов независимо от своей партийной принадлежности выступают за участие американских войск в защите союзников в Европе и АТР, за сохранение и даже наращивание американского военного присутствия в Южной Корее (69% опрошенных), Японии (57%) и в регионе Персидского залива (60%) [8].

Одним из ключевых источников влияния США в мире является сложившаяся после Второй мировой войны ситуация, когда американский доллар выполняет функцию *международной* расчётной валюты, но подчиняется *национальному* законодательству одной страны. И пока это положение сохраняется, американские власти могут покрывать бюджетный дефицит и другие финансовые потребности страны с помощью печатного денежного станка. По мнению некоторых аналитиков, на основе новых технологий, таких как блокчейн (*blockchain*), могут появиться возможности создать цифровую трансграничную систему платежей и расчётов, которая будет способна подорвать позиции американского доллара как ведущей мировой валюты и ограничить финансовое влияние США

в мировых делах. Китай весьма активно занимается разработкой подобных технологий.

Важный критерий международного влияния великой державы – способность продвигать свою трактовку международных событий, которые затрагивают его важные интересы. Развитие коммуникационных технологий ведёт к созданию мощных инструментов проецирования информационного влияния. В международной информационной сфере Китай явно уступает США, которые являются несомненным лидером в использовании медийных ресурсов, особенно социальных сетей, в управлении новостной повесткой дня международного сообщества, чему способствует глобальное доминирование американских корпораций «Гугл» (*Google*) и «Амазон» (*Amazon*). Нередки случаи, когда президент Д. Трамп своими комментариями в Твиттере по поводу тех или иных событий заметно влиял, пусть и краткосрочно, на текущие котировки акций крупнейших американских и зарубежных компаний, на ценовую конъюнктуру на сырьевых, в том числе нефтяных рынках.

По мнению ряда американских политологов, «в конце концов, самое важное – не сила, а влияние» [Brooks Stephen G., Wohlforth William C, 2002: 33]. Вряд ли можно оспорить тезис, что политическое влияние государства в международных делах определяется его совокупной военной, экономической и «мягкой» силой. Однако грядущие революционные перемены в технологиях заставляют предположить, что уровень научно-технического развития, возможно, заслуживает быть выделенным из общего экономического потенциала в отдельную категорию. Способность государства создавать условия для разработки и широкого внедрения прорывных технологий становится важнейшим критерием его силы и влияния в международных делах.

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ СДВИГОВ НА МИРОПОРЯДОК

В XX веке система международных отношений пережила три модели распределения глобального баланса сил: многополярность – до 1945 г., биполярность эпохи холодной войны (1945–1991 гг.) и монополярность – с 1991 года.

Американские аналитики определяют однополярность как возможность США достигать желаемых результатов во всех ключевых вопросах, действуя в одиночку [Brooks Stephen G., Wohlforth William C. 2002: 24]. Однако некоторые западные теоретики, например, Дж. Най, находят термин «однополярность» некорректным, так как он преувеличивает степень влияния США в некоторых аспектах мировой политики. По их мнению, американское влияние менее существенно, чем может показаться на первый взгляд. Однако оппоненты утверждают, что именно *всеобъемлющий характер мощи США* сводит к нулю шансы на успех попыток Китая или какой-либо другой великой державы добиться паритета. Апологеты американской однополярности указывают на то, что *осо-*

бенности геостратегического положения США – дружественные соседи и удалённость от потенциальных противников – затрудняют выстраивание против американской державы враждебных коалиций. Правда, и они не исключают возврата к многополярному миру, но считают это наихудшим исходом, так как в таком случае у США станет меньше возможностей для нейтрализации противостоящих угроз.

Используемый для характеристики формирующегося мироустройства термин «полицентричный миропорядок» является весьма расплывчатым и довольно спорным, так как игнорирует факт очевидной неравнозначности мировых центров принятия решений как с точки зрения их влияния в важнейших вопросах международных отношений, так и при сопоставлении их потенциалов по фундаментальным параметрам – военной силе, экономической мощи и внешнеполитическим ресурсам. Учитывая это несоответствие, С. Хантингтон в 1999 г. описывал миропорядок как «одно-многополярную» (*uni-multipolar*) систему, где присутствуют одна сверхдержава (США) и несколько крупных мировых держав. Другие предлагаемые определения формирующегося миропорядка – асимметричный, «постмонополярный» – тоже довольно расплывчаты и не очень информативны, но они всё-таки не затушёвывают принципиальную разницу между «полюсом» (государством глобального влияния) и региональными центрами.

По нашему мнению, изменение глобального баланса сил ведёт к стихийному формированию *симбиоза американо-китайской биполярности и полицентричной конфигурации остального пространства международных отношений*. Под определение глобального полюса Россия не подпадает из-за своего очень скромного места в мировой экономической системе, а Евросоюз – из-за своей несформированности как глобального силового игрока в сфере международной безопасности. Изменения в глобальном балансе сил происходят по направлению к *биполярно-полицентричному миру* прежде всего в результате подъёма ведущих держав Азии. С середины 1980-х годов экономики Китая и Индии развивались в течение 30 лет со среднегодовыми темпами роста около 10%, а США и ЕС – менее 6%. *Изменения в мировой политике и глобальной экономике могут происходить быстрее, чем сдвиги в балансе материальных сил*. Это наблюдается уже сейчас, когда всё меньше государств готовы следовать решениям, которые принимают США и Запад (G-7) по тем или иным вопросам международных отношений.

В западных политологических кругах не стихают споры о том, какая структура баланса сил в мире лучше соответствует поддержанию мира и стабильности. Большинство сторонников реалистской школы политической мысли полагают, что многополярность лучше соответствует этой цели, некоторые из них (К. Уолтц и Дж. Миршаймер) видят больше преимуществ в биполярной системе, а приверженцы теории «гегемонистской стабильности» (Р. Кейган) отдают пальму первенства одно-монополярности, которая, по их мнению, в меньшей степени провоцирует соперничество государств.

Многие американские политологи в начале XXI века допускали, что возможным соперником США может стать Китай, чей экономический потенциал в течение нескольких десятилетий способен сравняться с американским по размеру ВВП, но они подчёркивали невыгодное географическое положение КНР, окружённой странами, способными противостоять ей, и колоссальный потенциал влияния Соединённых Штатов [Brooks Stephen G., Wohlforth William C. 2002: 27; 31]. С. Брукс и В. Уолфорт были сторонниками интеграции Китая в мировую политику и экономику, хотя и допускали, что это может ускорить появление сильной конкурентной державы. Они полагали, что у США будет достаточно времени для изменения курса, если сценарий встраивания КНР в американоцентричный миропорядок не сработает. Эти политологи также считали, что «полная интеграция России в существующую систему станет главным шагом к устранению вечной “российской проблемы”» [Brooks Stephen G., Wohlforth William C. 2002: 33].

Быстрый подъём Китая, начавшееся восстановление Россией своих международных позиций, формирование региональных центров влияния и относительное экономическое ослабление США ведут к *размыванию однополярной структуры миропорядка*. То, что в мировом балансе сил происходят глобальные сдвиги, не вызывает разногласий в политических и экспертных кругах по обе стороны Атлантики, – к началу третьего десятилетия XXI века более половины мирового ВВП (около 56%) производится в Азии. Дискуссии начинаются, когда речь заходит о природе, движущих силах, динамике и последствиях этих изменений. Высказываются различные гипотезы относительно того, что может прийти на смену американской монополярности и каким будет грядущее мироустройство.

Приверженцы либеральных взглядов полагают, что наступающий период деглобализации будет сопровождаться ростом национализма и популистских настроений (в избрании Трампа президентом США и в брекзите они видят симптомы этого процесса) и повышенным риском конфликтов, что было характерно для первой половины XX века. Их оппоненты указывают на то, что общие глобальные вызовы заставят ведущие мировые державы сотрудничать друг с другом и строить миропорядок на принципах взаимовыгодного партнёрства, что, однако, не отменяет острой конкуренции между ними. Итальянский политолог А. Стило подмечает парадоксальное свойство современного мирового порядка: «С одной стороны, с 2000 г. мы наблюдаем неуклонное и динамичное социально-экономическое развитие, возможно, самое быстрое и глубокое перераспределение экономической силы в истории; больше нет острого дефицита ресурсов, который мог бы привести к крупномасштабным конфликтам и насильственному изменению существующего порядка. С другой стороны, есть несколько держав, политические отношения между которыми и политика безопасности которых может потрясти и перевернуть мировой порядок» [Stilo A. 2018: 78].

То, что либеральный миропорядок переживает явный кризис, вынуждены признать даже апологеты либерализма. Выход из создавшегося положения французский президент Э. Макрон видит в «сбалансированном международном сотрудничестве». Он полагает, что ЕС может ограничить соперничество великих держав, выступив посредником между США и Китаем. В речи на Парижском форуме мира в ноябре 2019 г. он напомнил слова Ш. де Голля, который видел Европу «третьей силой» между США и СССР в эпоху холодной войны [9]. Сторонники либерального миропорядка опасаются того, что, если процесс деглобализации, подстёгиваемый политикой Д. Трампа, наберёт силу, будет крайне сложно восстановить прежнюю систему, учитывая уникальность условий, которые способствовали её формированию после Второй мировой войны. Они полагают, что для восстановления прежнего баланса сил могут потребоваться глобальные потрясения, сопоставимые по последствиям с послевоенной ситуацией.

Кризис либеральной модели глобализации ведёт к тому, что глобальные сети (экономические, торговые, логистические и т.д.) возможно будут перестраиваться по региональному признаку. Для этого есть объективная основа: *внутрирегиональная торговля и потоки инвестиций в рамках регионов во многих случаях превышают аналогичные показатели для трансрегиональных связей*. Существуют и другие предпосылки: политизация международных экономических отношений ведёт к тому, что региональные структуры, изначально созданные для совместного решения экономических проблем, постепенно распространяют их компетенцию на политическую сферу. Своё влияние оказывает и американо-китайское глобальное соперничество. Например, О. Уэстед считает, что «чем больше США и Китай будут изматывать друг друга в схватке между собой, тем больше пространства для манёвра появится у других держав. Результатом может стать мир региональных гегемонов, и это произойдёт скорее раньше, чем позже» [Westad Odd A, 2019: 92].

О фрагментации мира в последнее время говорят многие политики и эксперты. Генсек ООН А. Гутерреш видит большую опасность для миропорядка в формирующейся линии разлома между двумя ведущими державами – США и Китаем, «чьё соперничество грозит расколоть мировое сообщество на два отдельных мира», два борющихся друг с другом блока, при этом у каждого из них будет своя торговая и финансовая система, свой интернет и платформы искусственного интеллекта, свои военные альянсы и стратегии [10]. Реализуемость данного сценария, как и многое другое в международных отношениях, зависит от позиции крупных мировых игроков. В силу уникальности своего положения особое место здесь занимает РФ. О. Уэстед так сформулировал суть проблемы для Запада: «В то время как Китай продолжает своё восхождение, неразумно оставлять Россию в роли “голодного стервятника” на периферии международных отношений. Вашингтон должен попытаться привлечь Москву к более широкому сотрудничеству с Западом, открывая больше возможностей для партнёр-

ства и помогая урегулировать конфликт на востоке Украины». В противном случае перед Западом маячит «кошмарный сценарий реального российско-китайского альянса». Сочетание российских ресурсов и китайского населения создаст гораздо более серьёзный вызов Западу, чем тот, с которым он столкнулся 70 лет назад [Westad Odd A. 2019: 95].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Квинтэссенцией подхода нынешней администрации США к международным делам является постулат «Америка прежде всего». Д. Трамп – первый американский президент за последние 70 лет, который пришёл в Белый дом с откровенно националистической повесткой дня в области безопасности и торговли. Трамповская доктрина политического и экономического национализма является реакцией на изменение глобального баланса сил и относительное ослабление позиций США в мировой системе. Она актуализирует вопрос: что более значимо в международных отношениях – правила, согласованные на основе консенсуса, или сила государства, позволяющая ему навязывать другим свои предпочтения (и условия)? Политика Д. Трампа показывает, что для него ответ очевиден. По убеждению американского президента, переговоры являются игрой с нулевой суммой, а тактика силового и экономического давления на соперников и конкурентов – вполне оправдана.

Стратегия Д. Трампа основывается на *прагматичном понимании* американских интересов, а не на абстрактных понятиях, таких как либеральные ценности, международная безопасность или стабильность. Она вовсе не является антитезой напористой внешней политики и не означает отказа от претензий на американское доминирование в международных делах, как это пытаются представить его оппоненты из либерального лагеря. Для неё характерны откровенно эгоистичный подход к достижению целей, готовность пренебречь мнением других, когда оно расходится с американскими интересами.

США рассматривают укрепление Китая как одну из наиболее тревожных тенденций в эволюции мирового баланса сил. Быстрый подъём китайской державы создаёт для Соединённых Штатов долговременный стратегический вызов в глобальном масштабе. Тесное переплетение экономик США и КНР качественно отличает нынешнее противостояние двух держав от советско-американской конфронтации периода холодной войны. Около одной трети роста своего ВВП Китай получает за счёт экспорта, а Соединённые Штаты являются его крупнейшим торговым партнёром. Другое отличие от той эпохи состоит в том, что у современного Китая есть больше возможностей рассчитывать на международную поддержку, апеллируя к мнению мирового сообщества по таким проблемам, как сохранение открытости международной торговли и регулирующей роли ВТО, противодействие потеплению климата.

Для значительной части американской политико-экономической элиты стало очевидно, что глобализация ведёт к усилению Китая в качестве главного экономического конкурента и геополитического соперника США. Д. Трамп как выразитель этих взглядов пришёл к выводу, что нужно изменить правила игры и разрушить либеральные основы экономического миропорядка, заменив их теми, что подчеркнут бы преимущества Соединённых Штатов как мирового лидера. Политические оппоненты президента утверждают, что его подход противоречит национальным интересам, так как либеральный миропорядок составляет один из ключевых факторов поддержания американского влияния в мире и приносит США больше политических, экономических и иных преимуществ, нежели Китаю или какой-либо другой стране. Д. Трамп последовательно проводит курс на ослабление американо-китайских экономических взаимосвязей, стремясь уменьшить зависимость экономики США от поставок из КНР. Для сторонников его политики экономическое разъединение двух держав является необходимым условием в противоборстве с Китаем.

Можно предположить, что новый миропорядок сложится либо на основе международных правил, согласованных постоянными членами СБ ООН или государствами «двадцатки» (G-20), либо он стихийно сформируется как открытая архитектура, состоящая из различных географических (региональных) зон доминирования ведущих держав и альянсов (коалиций) вокруг этих государств. Изменение баланса сил и формирование нового миропорядка не происходит автоматически, и эти процессы не носят прямолинейного характера. Практически все влиятельные игроки незападного мира, за исключением Китая, столкнулись во второй половине 2010-х годов с серьёзными финансово-экономическими трудностями, в то время как США и ЕС, преодолев последствия мирового кризиса 2008–2009 гг., вышли на более высокие темпы роста. Эта ситуация продемонстрировала, что *формирование экономически полицентричного миропорядка может резко замедляться, хотя это торможение и не отменяет общей долгосрочной тенденции изменения глобального баланса сил не в пользу Запада.*

Характер внешнеполитического влияния государств сегодня меняется по сравнению с положением, сложившимся по окончании холодной войны. Пандемия коронавируса показала, что в условиях глобального кризиса никто не проявил себя в роли мирового лидера – ни на уровне государств, ни на уровне международных организаций. Те, кого обычно рассматривают в этом статусе, занимаются решением сугубо внутренних проблем. Уже наступившие последствия эпидемии оказались весьма ощутимыми для Китая и очень болезненными для США. Ещё неизвестно, какими они будут в более долгосрочной перспективе. Однако можно предположить, что влияние пандемии COVID-19 существенно не скажется на долгосрочной тенденции подъёма Китая и изменения глобального баланса сил между Западом и незападной частью мира в его пользу.

На глобальном уровне наблюдается *ослабление регулирующих механизмов и нарастание неуправляемости в международных отношениях из-за слишком разных подходов главных мировых игроков*. Распадающийся однополярный миропорядок основывался на тотальной американской гегемонии, которая обеспечивалась способностью США к глобальному проецированию силы, доминированию в мировой экономике и финансовой системе, мощному влиянию посредством «мягкой силы». Ведущие экономические державы мира – от Китая и Японии до Германии и Южной Кореи, столкнувшись с ультимативными требованиями администрации Д. Трампа по пересмотру торговых соглашений, несмотря на свои возражения, в итоге всё-таки согласились пойти на уступки и менее выгодные для себя договорённости, чтобы избежать американских экономических мер принуждения. Это свидетельствует о том, что, *несмотря на относительное снижение веса США в мировой экономике, влияние этой страны для ведущих торговых держав мира остаётся весьма значительным, если не определяющим*. Подобная ситуация наблюдается также в сфере международной безопасности и мировых финансов.

Россия является мировой величиной в вопросах безопасности и военно-технического сотрудничества, глобальным игроком на международных рынках углеводородов, в сфере ядерной энергетики и транспортных коммуникаций (Транссиб, международные воздушные трассы из Европы в Азию, перспективы круглогодичного функционирования Северного морского пути). Однако всё это не может восполнить отставание России от США, Китая и ведущих европейских держав в сфере экономики. Низкие темпы её экономического развития усиливают влияние сторонников жёсткой линии в определении стратегии США (Запада) в отношении России. Эти силы, строя свои расчёты исходя из слабых показателей российской экономики, призывают к *долговременной* конфронтации с Москвой. Малоозаметное присутствие РФ в мировой экономике и торговле промышленной и высокотехнологичной гражданской продукцией, в международных финансах существенно ограничивает её возможности по проецированию влияния в ситуациях, где военно-силовой фактор играет неглавную роль. И далеко не во всех случаях этот недостаток может быть компенсирован дипломатическим искусством или какими-то другими средствами.

ИСТОЧНИКИ

1. Gross Domestic Product (GDP). Available at: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD/EU/USA/CHN/IND (accessed 16.04.2020).

2. GDP (current US\$) - European Union, United States, China. Available at: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=EU-US-CN&most_recent_year_desc=true (accessed 09.05.2020).

3. Real GDP growth. Available at: https://www.imf.org/external/datamapper/NGDP_RPCH@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOORLD (accessed 26.04.2020).
4. Global trends to 2035: economy and society. European Parliamentary Research Service, 2018. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/627126/EPRS_STU\(2018\)627126_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/627126/EPRS_STU(2018)627126_EN.pdf) (accessed 02.02.2020).
5. National Security Strategy of the United States of America. The White House. December 2017. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed 19.02.2020).
6. Asia power index 2019. Lowy Institute. Available at: <https://power.lowyinstitute.org> (accessed 03.03.2020).
7. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». 3 октября 2019 г. Сочи. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61719> (accessed 01.05.2020).
8. Rejecting Retreat: Americans Support U.S. Engagement in Global Affairs. 2019 Chicago Council Survey of American Public Opinion. Available at: <https://www.thechicagocouncil.org/publication/rejecting-retreat> (accessed 15.02.2020)].
9. Virginie Robert. Forum sur la Paix: Macron se fait le chantre de la "coopération équilibrée". *Les Echos* (on-line). Novembre 12, 2019. Available at: <https://www.lesechos.fr/monde/enjeux-internationaux/forum-sur-la-paix-macron-se-fait-le-chantre-de-la-cooperation-equilibree-1147237> (accessed 26.01.2020).
10. Stewart M. Patrick. At the Paris Peace Forum, Europe Makes the Case for Multilateralism. November. 18, 2019. Available at: <https://www.cfr.org/blog/paris-peace-forum-europe-makes-case-multilateralism> (accessed 14.01.2020).

REFERENCES

- Brooks Stephen G., Wohlforth William C. 2016. *America Abroad: the United States' Global Role in the 21st Century*. New York: Oxford University Press. XII, 288p.
- Brooks Stephen G., Wohlforth William C. 2002. American Primacy in Perspective. *Foreign Affairs*. July-August. Vol. 81. No. 4. P. 20-33.
- Brooks Stephen G., Wohlforth William C. 2016. The Once and Future Superpower. *Foreign Affairs*. May-June. Vol. 95. No.3. P. 91-104.
- Johnson James. 2019. Artificial Intelligence & Future Warfare: Implications for International Security. *Defense and Security Analysis*. Vol. 35, No.2. P.147-169.
- Kennedy P. 1988. *The Rise and Fall of the Great Powers*. London: Unwin Hyman Limited, XXV, 678 p.

McKinney Jared M. 2019. How to Avoid a Contest for Supremacy in East Asia. *Comparative Strategy*. Vol. 38. No.4. P. 316–326.

Nye Joseph S. 2019. The Rise and Fall of American Hegemony from Wilson to Trump. *International Affairs*. January. Vol. 95.No.1. P. 63-80.

Stilo Alessio. 2018. A (Neo)realist Explanation of the Postunipolar International System. *Journal of Global Analysis*. January. Vol. 8. No.1. P. 73-86.

Westad Odd Arne, 2019. The Sources of Chinese Conduct: Are Washington and Beijing Fighting a New Cold War? *Foreign Affairs*. September-October. Vol. 98. No.5. P. 86-95.

Yuen Foong Khong. 2019. Power as Prestige in World Politics. *International Affairs*. January. Vol. 95. No.1. P. 119-142.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПРИХОДЬКО Олег Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3.

Oleg V. Prikhodko, Cand. Sci. (History), leading researcher, Department of Foreign Policy Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN). 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.